

РОЛЬ ФРАЗОВОГО УДАРЕНИЯ В ПОЛИСЕМИИ

А.В.Павлова, Н.Д.Светозарова

Гермерсхайм, Германия; Санкт-Петербург, Россия

Summary: The lexical semantics of the word can determine its weak or strong accentual position in the phrase, its intention to play the role of the topic or the comment. The bonds between the lexical meaning of the word and its potential accentuality could help to describe the different meanings of one and the same polysemic word in more detail. Generally not all the words of the vocabulary request this kind of prosodic information. On the other hand, since there are some lexical meanings of the polysemic words closely connected with the accentual emphasis, this fact should not be neglected in the theoretical and practical aspects of translation.

Теории актуального членения, «отцом» которой считается В.Матезиус¹, уже более полувека, но накал дискуссий вокруг нее не стихает. Лингвисты продолжают обсуждать уровневые аспекты: предложение vs высказывание, грамматическое членение vs коммуникативная структура. Интерес вызывает соотношение между средствами актуального членения: порядком слов, грамматическими категориями, лексикой, фразовым и логическим ударением. Волнует умы и взаимосвязь между частями информационной структуры: данным-новым, топиком-комментарием, темой-ремой, фокусом-фоном. С одной стороны, дискуссии вокруг этих тем вызваны неоднозначностью и размытостью терминов (практически до сих пор никому не удалось четко отграничить определение грамматического субъекта от определений психологического субъекта, темы – и, соответственно, грамматического предиката – от психологического предиката и ремы), их явной избыточностью (терминологические излишества для одних и тех же объектов – это вообще «болезнь» лингвистики), а с другой стороны – объективной трудностью формализовать определение таких категорий, как коммуникативная нагрузка, фокус внимания, более важное, менее важное, известное из ситуации, новое. В результате для одних лингвистов тема-рема, фокус-фон, топик-комментарий – синонимы, для других это три разных типа членения высказывания. Так, в некоторых работах последних лет [Molnár 1993; Zybatow 1997; Mehlhorn 2002] разрабатывается теория трехуровневого членения коммуникативной структуры высказывания. В них авторы настаивают на том, что членение на топик и комментарий никак не связано с членением на фокус и фон, а последнее не совпадает с членением на тему и рему. Топик-комментарий в их понимании – то же, что (по традиции, идущей от Германа Пауля) психологический субъект и психологический предикат, фокус-фон – это более важное и менее важное с по-

¹ Годом рождения теории актуального членения обычно считается 1947-й, когда В.Матезиус опубликовал свою статью «О так называемом актуальном членении предложения» [Матезиус 1967].

зиции говорящего, тема-рема ассоциируется с данным-новым. Эта интерпретация понятий не имеет статуса общепризнанной. Например, в Русской грамматике [РГ 80] определения понятий тема-рема и данное-новое расходятся; не совпадают они и в работах многих российских теоретиков актуального членения.

Дополнительные сложности возникают в связи с тем, что средства выделения наиболее существенной информации – грамматические (порядок слов) и просодические (фразовое ударение, мелодика) – в различных концепциях также описываются по-разному. Например, есть лингвисты, которые считают, что фразовое ударение имеется в любом предложении как признак его цельнооформленности (оно тяготеет к конечной позиции) подобно тому, как каждое слово оформлено словесным ударением. А наиболее важное для участников коммуникации содержание выделяется дополнительным ударением: логическим, эмфатическим, контрастным². Есть и другая точка зрения: фразовое ударение и логическое ударение – это одно и то же, а эмфатическое или контрастное ударения – это подвиды фразового. Далее, некоторые языковеды считают, что фразовое (или логическое, эмфатическое, контрастное) ударение выделяет только рему, другие считают, что интонационно может быть выделена и тема. Есть расхождения и по вопросу о множественности тем и рем в одном предложении. Наконец, согласно теории коммуникативного динамизма [Firbas 1992], высказывание в аспекте актуального членения следует рассматривать не как бинарную оппозицию, а как градуальное нарастание степени важности (информативной нагрузки) элементов коммуникативной структуры.

Примеры, которыми оперируют теоретики актуального членения, – это в подавляющем большинстве короткие, синтаксически простые повествовательные предложения, причем для демонстрации подвижности фокуса на различных участках одной и той же структуры служит, как правило, устная речь, но не естественная, а сконструированная исследователем. Общим местом стало утверждение, что фразовое ударение способно передвигаться с одного слова на другое, в зависимости от их информативной значимости (важности) – при этом приводятся примеры типа *Вечером приехал брат*. – *Вечером приехал брат*. – *Вечером приехал брат*³. Неестественность второго и третьего примера (даже для устной речи, не говоря уже о письменной) как будто не замечается. Такими искусственными примерами работы по актуальному членению, к сожалению, себя отчасти дискредитируют.

Главный камень преткновения – это причины, вызывающие акцентное выделение ремы (рематизацию, фокусировку). Казалось бы, причина может быть только одна – желание говорящего подчеркнуть интонационно ту или иную информацию. Однако есть еще и письменная речь. Как в ней определить, каково коммуникативное намерение говорящего? Большинство лингвистов единодушно называет основными факторами для определения места наиболее сильного акцента во фразе контекст (он задает дан-

² Этой точки зрения придерживаются, например, Т.М.Николаева, В.Б.Касевич.

³ Здесь и далее наиболее ударенное слово во фразе подчеркнуто.

ность и новизну информации), порядок слов (в языках со свободным порядком слов – таких, как русский), специальные грамматические и лексические средства (анафоры, местоимения, логические частицы и т.п.). Есть работы, которые во главу угла ставят глубинный синтаксис [Слюсарь 2008; Kahnemouipour 2009]. И лишь в очень небольшом количестве работ выдвигается тезис о значимости для поиска ремы в письменной речи чисто семантических факторов [Павлова 1987; Апресян 1988; Павлова 2007; Падучева 2009].

Для того чтобы ответить на вопрос, как находить главноударное слово в письменных фразах, создаются системы правил акцентуации. Для русского языка первая такая система правил на основе бинарных оппозиций была представлена в [Ковтунова 1976]. Правила эти сугубо грамматические: в сочетании глагол плюс дополнение под главным ударением стоит дополнение, в словосочетании определяемое плюс определение в родительном падеже – определение и т.д. Аналогичные правила для немецкого, английского, испанского, французского, итальянского языков можно найти в [Zubizarreta 1998]. Примеры «из жизни» эти правила регулярно нарушают: в текстах часто встречаются предложения с одной и той же морфологической структурой, в которых фразовые ударения размещены по-разному⁴, и таких предложений слишком много, чтобы можно было отнести их к исключениям. Кроме того, даже если рассматривать каждое отклонение от «правил» как исключение, требовалось бы объяснить причины их появления.

Рассуждения о нейтральности порядка слов (традиция, также идущая от Матезиуса) слепо следуют актуальному членению: сначала отыскиваются тема и рема, а затем под эту структуру подстраиваются теоретические выкладки о нейтральном или экспрессивном порядке слов. Нейтральный – это такой порядок слов, при котором рема располагалась бы в конце предложения. Согласно этой исходной посылке, придется признать, что в обоих предложениях пары *Подобное случается на конференциях.* – *Разное случается на конференциях* порядок слов экспрессивный, а нейтральный порядок слов для первого предложения (*Подобное на конференциях случается*) должен был бы отличаться от нейтрального порядка слов для второго предложения (*На конференциях случается разное*), что является явным нарушением логики, так как грамматический состав этих предложений одинаков. Как разрешить это противоречие в рамках традиционной теории актуального членения, неясно. Далее: непонятно, почему при изменении порядка слов в некоторых предложениях фразовое ударение остается на том же месте независимо от слова, на которое оно приходится, а в некоторых оно следует за словом, меняя позицию. Ср. *В донесении к шефу Анисий слукавил.* – *Слукавил Анисий в донесении к шефу* (Б.Акунин). Здесь фразовое ударение при изменении порядка слов остается на глаголе *слукавил*. А вот противоположная пара примеров: *Анисий заглянул к шефу.* – *К*

⁴ Ср. пары примеров одинакового морфологического, но разного тема-рематического состава: *Он работал до последнего времени.* – *Он работал до последнего дня;* *От этого нам немалая польза.* – *От этого нам двойная польза.*

шефу заглянул Анисий. В этой паре изменение порядка слов не влияет на позицию фразового ударения: при перестановке оно оказывается закрепленным не за словом, а за местом. Теория актуального членения не проливает свет и на эти явления.

Немалую сложность представляет такой аспект теории актуального членения, как субъективность в обнаружении элементов коммуникативной структуры: то, что одному исследователю кажется темой, другому кажется ремой или частью ремы, и наоборот. Например, в [Стародумова 2005: 44] фразы *Часами он просиживал за письменным столом; Месяцами он не навеивал родителей* приводятся как примеры рематичности обстоятельств времени (*часами, месяцами*). Другой исследователь, возможно, расценит те же обстоятельства как тему или часть темы. Кроме того, даже если рассматривать наречия *часами, месяцами* как рематические, остается неясным, следует ли квалифицировать всю остальную часть предложения как тематическую, т.к. новизна и информационная нагрузка явно присутствуют и в содержании, входящем в группу сказуемого. Эти предложения, с одной стороны, отвечают на вопрос, как долго что-либо происходило, а с другой – что именно происходило.

В итоге складывается парадоксальная картина: несмотря на чрезвычайную популярность, теория актуального членения обнаруживает огромное количество «белых пятен»: нерешенных вопросов в ней, пожалуй, не меньше, чем решенных.

Терминологическая пестрота, объективная сложность тематики и явное отсутствие единодушия в среде людей, занимающихся теорией актуального членения, заставляет начинать любую работу на эту тему с необходимости определить свое толкование понятий и использование терминов.

В данной статье под *темой* понимается психологический субъект, а под *ремой* – психологический предикат. Тема-рематическое членение не связано с членением на данное и новое, так как данное нередко оказывается в роли психологического предиката (ремы), а новое – в роли психологического субъекта (темы). В предложении может быть несколько тем и несколько рем – даже в синтаксически простом предложении. Теория коммуникативного динамизма Фирбаса представляется верной, во всяком случае, для анализа некоторых высказываний, однако в рамках настоящей работы она не применяется. Термины «топик» и «комментарий» не употребляются во избежание удвоения терминов: по нашему мнению, «топик» и «комментарий» синонимичны терминам «тема» и «рема». Членение на фокус и фон мы не используем вовсе, так как его критерий – степень важности информации – представляется крайне субъективным и не поддающимся формальному описанию. Любое наиболее сильное ударение во фразе мы называем фразовым – в первую очередь, для простоты. Слово или слог, на который падает фразовое ударение, называется интонационным (или акцентным) фокусом. При этом предложение может обнаруживать и несколько фразовых ударений (двухфокусное, многофокусное предложение). Фразовое ударение (ФУ) может отмечать не только рему, но и тему – наиболее яркими примерами ударности темы являются кон-

трастивные подчеркивания типа Гулять (Т) он не любил (Р); Комнату (Т) ему выделили просторную (Р). По этой причине ФУ является хотя и достаточно надежным, но не единственным индикатором рематичности. Однако контрастные ударения в рамках данной работы рассматриваться не будут: это отдельная большая тема.

Материалом статьи является только письменная речь. Рассмотрение письменных высказываний в контексте этого исследования – вопрос принципиальный. Речь идет не о слуховом восприятии интонированной речи, а о распознавании смыслов (и – через них – о вероятностном поиске интонационных пиков) мысленно, при чтении. Примеры расстановки ФУ в этой статье – это результат «гадательных» операций по отысканию и опознанию психологического субъекта и психологического предиката. Предлагаемые здесь варианты претендуют на статус более высокой вероятности по сравнению с иной интерпретацией, однако это не исключает возможность альтернативных прочтений того или иного примера конкретным информантом.

В центре этой работы – семантика как основной источник сведений для принятия решения о месте ФУ в предложении. В иерархии факторов, влияющих на выбор акцентного фокуса на письме, лексическая и грамматическая семантика занимают ведущее место. При прочих равных условиях, при одном и том же порядке слов, одной и той же грамматической структуре и в одном и том же контексте, определяющим оказывается фактор семантический. Это положение достаточно подробно изложено и проиллюстрировано на большом материале в [Павлова 2007, 2009]. Есть основания считать, что значения слов хранятся в памяти не только вместе с их парадигматическими и синтагматическими связями, но и вместе с их потенциальным интонированием. Например, слово нарочно практически всегда ударно (Я нарочно не стала переспрашивать. – Ср. Я тогда не стала переспрашивать), а слово несколько – безударно (Он несколько устал. – Ср. Он очень устал).

В условиях нейтрального контекста предложение Вечером приехал брат может быть прочитано только с ФУ на последнем слове – по крайней мере, прочтение с главным ударением на других словах кажется искусственным. А предложение Вечером брат не приехал прочитывается с ФУ на глаголе и – в зависимости от того, как интерпретируется наречие вечером, – либо с дополнительным ФУ на нем, если это подчеркнутая контрастом тема (вечером не приехал, но, возможно, приедет утром), либо без него, если контраст не предполагается, а в предложении просто говорится о том, что произошло вечером: Вечером брат не приехал / Вечером брат не приехал.

В следующем примере под ФУ стоит данное, причем выраженное личным местоимением: Я любил подползать к самому выходу, смотреть на дождь. Редкие капли дождя попадали внутрь, капали на меня (Р.Гальего). Объяснить этот факт можно только исходя из семантики глагола: в структуре его значения имеется сема проспективности (направленности обозначаемого глаголом действия вперед, на кого-либо или куда-либо). Проспективные глаголы обычно безударны. Ретроспективность,

наоборот, тяготеет к ударности, ср. *Ученые усложнили условия эксперимента*. Одна лишь ретроспективность глагола *усложнить* позволяет понять, что *эксперимент* – тематическая информация, контекст для этого не требуется. Ср. также: *Слезы навернулись на глаза. – Слезы высохли*. Даже в позиции первого предложения текста эти фразы будут прочитываться интонационно по-разному, и разница эта продиктована исключительно семантикой глаголов.

Только благодаря семантическому анализу можно определить тему и рему в следующих предложениях: *Кольт – его закон* (ср. *Человеколюбие – его закон*); *А солдат – тот, к которому ротный подошел, видит – дело плохо: зверь стал офицер, всю роту перебьет...* (А.Грин) (ср. *В басне зверь стал офицером, начал другими животными командовать*); *Но куда там, в зале стены тряслись от хохота* (Новая Газета) (ср. *В зале стены потрескались от ветхости*).

В свете семантики как ведущего и определяющего фактора акцентуации необходимо пересмотреть и представление о нейтральном и инвертированном порядке слов. В предложении *Марианна сына родила* порядок слов ощущается как инвертированный, а в предложении *Марианна сына отругала* – нет. Инверсия – категория не постоянная, а относительная, и ее нельзя отрывать от лексической семантики⁵.

Утверждение о ведущей роли семантики в определении акцентоносителей не противоречит традиционным представлениям теории актуального членения о значении информационной новизны или данности для интонирования фразы. Так, если существительным *тетка* в следующем примере обозначена Нина Ивановна, то оно безударно: *К сожалению, сказать Нине Ивановне правду нельзя. Оставалось одно: каким-то образом подольститься к тетке* (Д.Донцова). Если же под теткой понимается кто-то иной, то это существительное несет на себе ФУ (усиленное контрастом: не Нина Ивановна, а тетка): *К сожалению, сказать Нине Ивановне правду нельзя. Оставалось одно: каким-то образом подольститься к тетке*.

Неоднозначен в плане членения на данное-новое и на тему-рему и такой пример: *Да, «Стиляги» Ларисе понравились. А я давно уже не видел фильмов, которые можно было бы смотреть с выключенным звуком* (из личного письма). Если «Стиляги» – фильм, который можно смотреть без звука, то ФУ во втором предложении падает на наречие *давно*. Если же, наоборот, фильм «Стиляги» следует смотреть только со звуком, то ФУ отмечает существительное *фильмов* и существительное *звуком* и в предложении присутствует скрытый контраст: «Стиляги» смотрится лишь со звуком, а вот мне хочется смотреть фильм только глазами, без звукового сопровождения.

Однако в одинаковых условиях, при однозначно понятом смысле и при одном и том же раскладе информации на данное и новое в принятии решения о постановке ФУ «побеждает» семантика.

⁵ Подробно этот аспект проблематики инверсии освещен в [Павлова 2009].

Представление о том, что данность и новизна диктуются контекстом, обманчиво. Данность и новизна представляются нам заданными контекстом благодаря лексической и грамматической семантике (включающей наши знания о мире, то есть целый набор пресуппозиций). Аналогичное утверждение касается и порядка слов: он является мощным фактором для нахождения места ФУ, но конкуренции с семантикой не выдерживает. Этот тезис подтверждается теми же примерами, что и тезис о данности и новизне.

ФУ не является универсальным и абсолютно достаточным показателем тема-рематического (а иногда и грамматического) членения. Есть предложения, в которых место ФУ не позволяет определить рему (а соответственно, и тему). Как бы ни были произнесены предложения типа *Мать любит дочь* или *Тополь перерос клен*, на основании акцентуации трудно решить, кто кого любит или какое дерево переросло какое. Семантический анализ тоже не способен выявить здесь коммуникативный и грамматический состав. Если ФУ (в устном варианте) падает на глагол, то подлежащим однозначно является первое существительное, а рематичен только глагол. Если ФУ находится на последнем существительном, то затруднительно сказать, где здесь подлежащее и где сказуемое, где тема и где рема, т.е. мама любит дочку или дочка – маму. Если главное ударение смещено на первое существительное, то повышается вероятность осмысления его как ремы, но не исключено и противоположное понимание. Неопределенность снимается, если эти предложения продолжить контрастным сопоставлением, например: *Мать любит дочь, а отца – сын; Тополь перерос клен, а березу – дуб*. Существительные *мать*, *тополь* здесь являются прямыми дополнениями, они тематичны и при этом отмечены контрастным ФУ. А в следующем примере вообще только семантика (точнее, знания о мире) дает возможность определить грамматический состав, ФУ в распознавании грамматических составляющих не участвует: *Гордо крестики почетные носят нолики несчетные* (М.Безродный). Как нолики с крестиками местами ни меняй, ФУ остается на последнем слове (возможна дополнительная акцентуация на втором слове в силу контрастного противопоставления ноликов крестикам), а состав групп подлежащего и сказуемого определяется чисто семантическими факторами.

И, тем не менее, ФУ играет в определении не только тема-рематического, но и грамматического состава предложений исключительно важную роль. Во фразе *Лентяй твой муж* не только психологический субъект (тема), но и грамматический субъект (подлежащее) – в конечной позиции: они совпадают. А в предложении *Лентяй твой лапочка!* ситуация противоположная. Принятие решения осложняется, если оба существительных включают в свое значение сему оценки, например: *Лентяй твой пьяница* – или когда неясно, какова семантика (и даже морфология) какого-либо слова: *Лентяй твой больной*. Если *больной* – референтно употребленное существительное, то оно представляет собой тему-подлежащее, а *лентяй* – рему-сказуемое. Если *больной* – прилагательное (и его можно заменить краткой формой *болен*), то ясно, что это рема-сказуемое, а *лентяй* употребляется референтно и является темой-

подлежащим. *Твой*, в зависимости от принятого решения, примыкает то к группе подлежащего, то к группе сказуемого. Решение (в условиях письменного текста) помогает принять контекст или знание ситуации.

Определить грамматическую и коммуникативную структуру следующих предложений на письме позволяют только семантика элементов этих структур и знания о мире (знание пресуппозиций), а сигнализирует результат такого «разгадывания» фразовое ударение на реме: *Красавец стал парень*; *Гиблое дело – местные болота*; *В грудь надо стрелять* (П.Хайсмит); *Явилась народная совесть* (И.Грекова).

Бывают и неразрешимые случаи, когда семантический анализ не снимает двусмысленности. В следующем предложении ФУ теоретически может быть или на последнем слове, оформляя целостное семантическое единство (устойчивое словосочетание *лосьон после бритья*), или на второй от конца лексеме, если конечная группа – обстоятельство времени (*после бритья*), хотя при данном порядке слов первое более вероятно: *От приятеля исходил слабый аромат лосьона после бритья*. – *От приятеля исходил слабый аромат лосьона после бритья* (Д.Донцова).

В предложении *Он вскорости еще пуще меня испугался* (И.Бунин) также имеет место двусмысленность и существует возможность двоякого грамматического и тема-рематического членения: *Он вскорости / еще пуще меня / испугался* – или: *Он вскорости / еще пуще / меня испугался*. ФУ ставится в обоих случаях на реме, но ремой может явиться как слово *пуще*, так и личное местоимение *меня* – в зависимости от того, к какому слову грамматически относится *пуще* – к глаголу или местоимению. Как и в других случаях, один из вариантов прочтения может быть несколько более вероятным. Дополнительным средством снятия неопределенности здесь служит различие в членении на синтагмы.

Предложения пары *Скучная картина*. – *Скучная рутина* – также различаются не только тема-рематическим, но и грамматическим членением: в первом предложении *картина* – подлежащее, во втором *рутина* – часть сказуемого. Первое предложение грамматически двусоставно, второе односоставно.

Ретроспективность, фактивность, оценочность (в особенности оценочность интеллектуальная), отрицание, точные количественные данные и некоторые другие значения (в том числе и грамматические значения, например степени сравнения прилагательных и наречий, определения, выраженные существительными) настолько тесно связаны с акцентуацией, что гипотетически можно предположить, что передающие их слова хранятся в нашем сознании как акцентно выделенные. И наоборот, проспективность, количественная и временная приблизительность (*пара, несколько, иногда, временами, время от времени, порой*), общие для любой ситуации лексемы (типа *человек, обстоятельства, дело, ситуация* и многие другие), грамматические комитативные конструкции, обстоятельства причины, многие обстоятельства времени принципиально безударны и с безударностью ассоциируются. Ср. *Это случается иногда*. – *Это случается постоянно*.

Идиомы безусловно хранятся в памяти вместе с интонационным оформлением их составляющих: *Я спиной чувствовал сквозняк* (неидиоматично). – *Я спиной чувствовал опасность* (идиоматично).

Значимость ФУ для оформления идиом становится очевидной в языковых играх, основанных только на сдвигах акцентного пика. Например, заголовок *И дела нет* (kasparov.ru), трактуемый на первый взгляд как идиома, прочитывается с наиболее сильным акцентным пиком на слове *дела*: (кому-л. до чего-л.) и *дела нет*. Однако в заметке говорится о том, что редактор журнала The NewTimes, вызванная повесткой на допрос в ГУВД, объявила о том, что она туда не пойдет, пока не заведено уголовное дело. Следовательно, смысл заголовка иной, к идиоме отношения не имеющий: '(уголовного) дела не существует'. Значит, и прочитать его требуется иначе: *И дела нет*. Понятно, что автор заметки обыгрывает противоречие между идиоматическим и неидиоматическим смыслом путем варьирования двух акцентных контуров.

Следующий пример тоже можно рассматривать как языковую игру с ударениями: *Когда Путин открывает целлюлозно-бумажные комбинаты на Байкале, то все как-то глохнут, слепнут и в гробу видят эту природоохрану* (В.Шендерович). Если понимать словосочетание *в гробу видят* как идиому, то ФУ располагается так, как здесь обозначено. Если же представить себе, что все действительно глохнут, слепнут (и после этого умирают), то в гробу они могут видеть что-либо так, как видят во сне: в этом случае ФУ падает на слово *природоохрану* (ср. *Все глохнут, слепнут, умирают и в гробу видят эту природоохрану*). При реальном прочтении такое понимание найдет свое выражение в синтагматической границе после слова *в гробу*, а также в несколько более сильном словесном ударе на глаголе *видят*.

Предположительно небезразличные для акцентуации и мелодического оформления семантические компоненты значений слов и целых фраз (речевых актов) хранятся в нашей памяти целиком и могут быть абстрагированы от конкретного лексического наполнения подобно тому, как хранятся в нашей памяти интонационные способы оформления иллокутивных (речевых) актов. Если сравнивать по значимости для принятия решения о месте ФУ лексическую и грамматическую семантику с иллокутивными актами, то последний фактор оказывается сильнее – но ведь и он семантичен. Только речь идет о семантике не отдельных слов или грамматических конструкций, а о семантике высказываний в аспекте их воздействия на слушателя. Например, экстренное введение в ситуацию⁶ и семантика верификации – объяснение каких-либо фактов (можно мысленно подставить перед предложением конструкцию *дело в том, что...*) – сигнализируются начальным ФУ: *Тише! Бабушка спит!* Ср. *Наша бабушка уже спит*. См. также: *Еле заткнул, напор большой – пояснил он* (М.Булгаков). Ср. *Напор большой. Одному мне не справиться*. Угроза оформляется интонационно иначе, чем нейтральное повествование: ФУ падает на глагол и выражается особым мелодическим контуром: *В школе тебе покажут, как родителей*

⁶ Термин, принадлежащий Т.М.Николаевой [Николаева 1981].

не слушаться (глагол *показывать* может иметь два разных значения в зависимости от места интонационного пика: ‘объяснят, научат’ при наличии на нем ФУ – или ‘отучат, отобьют охоту’, если он не акцентирован). Подчеркнутое (часто экспрессивное) безразличие или пренебрежение также может передаваться интонационными средствами. В зависимости от того, употребляется ли в предложении *Он плюет на паркет* глагол в переносном или в прямом значении, он либо выделен главным ударением, либо нет. Повествовательность (нарративность) оформляется конечным ФУ независимо от семантики элементов предложения, ср. заголовок: *Кремль пугает Немцова* (gran1.ru). Если это предложение нарративное, отвечающее на вопрос «Что происходит?», то ФУ на последнем слове. Если это предложение передает реакцию Немцова на действия Кремля, то ФУ на глаголе⁷. При этом в зависимости от акцентного оформления глагол обладает различной семантикой: в нарративном варианте он означает ‘производить действие, связанное с внушением страха’ (причем вызывает ли это действие страх в действительности, неизвестно), а во втором – ‘внушать страх’.

Таким образом, в связи с тем, что акцентное выделение обусловлено семантикой, место ФУ помогает различать и опознавать значения некоторых многозначных слов. При восприятии письменной речи опознавание одного из значений многозначного слова происходит, по всей вероятности, одновременно с возбуждением в сознании читающего его фразовой ударности или безударности: *Иди доделай, там немного осталось* (1). – *Иди поешь, там немного осталось* (2).

То, что в этих предложениях реализованы два разных значения слова *немного*, очевидно: в (1) – ‘мало’, в (2) – ‘кое-что’. Прояснить эти значения помогают разные усилительные частицы: *Иди доделай, там уже немного осталось* (1а). – *Иди поешь, там еще немного осталось* (2а).

Нередко передвижение ФУ затрагивает значения сразу двух лексем: *Он порядочный бюрократ* (3). – *Он порядочный бюрократ* (4). Здесь различны значения двух слов: и *порядочный*, и *бюрократ*. В (3) *бюрократ* – бранное слово, *порядочный* обозначает неполную степень выраженности отрицательного признака, а в (4) *бюрократ* обозначает профессию (чиновник), а *порядочный* – положительную оценку (честный).

Ср. также:

Я просто смотрю на вещи (5). – *Я просто смотрю на вещи* (6). Здесь в (5) *просто* – всего-навсего, *вещи* – скорее всего, одежда или предметы обихода; в (6) *просто* – не усложняя, а *вещи* – явления действительности.

Дик – старый осел (7). – *Дик – старый осел* (8). В (7) речь идет о старом животном, в (8) – о человеке, причем необязательно старом.

⁷ Эта гипотеза хорошо согласуется с данными об интонации упрека, приводимыми в [Светозарова 1993], и об интонации таких иллокутивных актов, как настойчивая просьба, заискивающая просьба, мечты, выражение недоумения, приводимыми в [Янко 2007].

Хороший урок (9). – Хороший урок (10). В (9) речь идет об уроке хорошего качества, в (10) – о том, что что-либо запомнится как отрицательный опыт.

Люди бывают всякие (11). – Люди бывают всякие (12). В (11) речь идет о том, что заходят разные люди, в (12) – о том, что люди по природе своей неодинаковы. Различны, следовательно, значения и слова *всякие*, и слова *бывают*.

Хорошенькую мошенницу мы терпели два года (13). – Хорошенькую мошенницу мы терпели два года (14). В (13) девушка была профессиональной мошенницей, симпатичной внешне. В (14) о внешности ее ничего не известно и она, вероятно, не профессиональная мошенница. Ей здесь приписывается отрицательная характеристика обманщицы.

Это известный феномен (15). – Это известный феномен (16). В (15) известный означает ‘всем знакомый’, причем речь идет о реальном феномене. В (16) известный означает ‘некоторым образом’, а само явление лишь сравнивается с феноменом.

Роль ФУ в различении многозначности столь велика, что стоило бы учитывать этот аспект при составлении словарных статей, т.е. снабжать значения многозначных слов сведениями об их потенциальном акцентном поведении, это позволило бы уточнить некоторые значения и дополнить недостающие. Одним из первых в отечественной лингвистике это стал делать Ю.Д.Апресян [Апресян 1990, 1995]. См. также [Светозарова, Павлова 2010].

Полисемия (а в редких случаях и омонимия) и роль ФУ как различителя значений являются центральной темой этой работы. Впервые вниманию читателей представляется обширный список пар примеров, различие которых выражено исключительно или в значительной степени фразовым ударением. Это явление затрагивает в русском языке разные части речи, при этом относительно каждой из них можно отметить некоторые особенности: прямое или переносное значение лексемы, явления своеобразного «приращения смысла» и др., поэтому приводимые ниже примеры сгруппированы по частям речи. Отдельно приводятся идиомы, поскольку они обладают статусом лексем.

1. Глаголы

Он поторопился уйти (поспешно ушел). – Он поторопился уйти (напрасно он ушел).

Она заметила, что я в последнее время всегда на взводе (сказала). – Она заметила, что я в последнее время всегда на взводе (это не ускользнуло от ее внимания).

Я собрался в поход (сложил рюкзак). – Я собрался в поход (намереваюсь отправиться в поход).

Он оставил свою религию (не отказался от своей религии в пользу другой). – Он оставил свою религию (перешел в другую религию или стал атеистом).

Он запустил станок (включил). – Он запустил станок (плохо за ним ухаживает).

Вас Семен беспокоит (звонит по телефону). – Вас Семен беспокоит? (волнует).

Она переживала поражения (терпела поражения). – Она переживала поражения (болезненно относилась к поражениям).

Он живет живописью (зарабатывает на жизнь). – Он живет живописью (очень любит).

Ночью ливень прошел (был). – Ночью ливень прошел (закончился).

Президент отстоял рождественскую службу (присутствовал на службе). – Президент отстоял рождественскую службу (добился ее сохранения).

2. Наречия

Я медленно выздоравливал (постепенно). – Я медленно выздоравливал (долго).

Я вообще не пьющий (никогда не пью). – Я вообще не пьющий (но сейчас сделаю исключение).

Надо спокойно убеждать начальство (планомерно). – Надо спокойно убеждать начальство (не волнуясь, не горячась).

Это случается изредка (иногда). – Это случается изредка (редко).

Все меня ругают: и родня, и соседи заодно (попутно, примкнули). – Все меня ругают. И родня, и соседи заодно (сговорились).

Он просто решает задачу (несложным способом). – Он просто решает задачу (всего только).

Работай лучше (не разговаривай). – Работай лучше (ты работаешь не очень хорошо).

Точно сон! (будто). – Точно сон! (наверняка).

Он прямо бежал (по прямой). – Он прямо бежал (буквально).

Ровно читает, без всякого выражения! (монотонно). – Ровно читает, без всякого выражения! (словно).

Там посмотрим (на месте). – Там посмотрим (потом когда-нибудь).

Ну что, ты ещё стираешь? (всё ещё). – Ну что ты ещё стираешь? (дополнительно).

Мы пили понемногу (потихоньку спивались). – Мы пили понемногу (небольшими порциями).

Искусство на самом деле никуда не исчезнет (в действительности). – Искусство на самом деле никуда не исчезнет (вы правы).

3. Прилагательные

Здесь представлены различные сочинения (разнообразные). – Здесь представлены различные сочинения (неодинаковые).

Это известный парадокс (некий). – Это известный парадокс (всем известный).

Редкий прохожий пройдет мимо и не заметит (одиноким прохожим, никто не заметит). – Редкий прохожий пройдет мимо и не заметит (вряд ли кто-нибудь не заметит, все заметят).

Хороша соседка! (ничего себе! – осуждение). – Хороша соседка! (красавица – восхищение).

4. Существительные

Кружка врезалась в висок скотине (животному). – Кружка врезалась в висок скотине (нехорошему человеку).

Начался спор на высоте (на вершине горы). – *Начался спор на высоте* (на высоком моральном уровне).

5. Идиомы

Смотреть не на что (неинтересно). – *Смотреть не на что* (кто-л. некрасив – идиома).

Что это? Одна малина! (только малина). – *Ну и что? Одна малина!* (все равно – идиома).

Он скорее умрет (ни за что не сделает – идиома). – *Он скорее умрет* (скорее, чем кто-либо другой – не идиома, сравнение).

Мне такую вещь даром не надо (безвозмездно – не идиома). – *Мне такую вещь даром не надо* (ни за что не надо – идиома).

В примерах, где все элементы предложения одинаковы и семантическое различие членов пары обеспечивается лишь ФУ, наиболее ярко проявляется связь семантики и интонационного выделения. Однако таких пар не так уж много. Гораздо чаще встречаются пары предложений, в которых комбинируются акцентуация и минимальные грамматические и/или лексические расхождения. Например:

Он забросил мяч на крышу (зашвырнул). – *Он забросил животись* (перестал заниматься).

Я находился по горам (устал от хождения). – *Я находился в горах* (пребывал)⁸.

Он отказал детдому большую сумму (дал). – *Он отказал детдому в праве строить второй корпус* (не разрешил).

Он по-доброму засмеялся (беззлобно). – *Он по-доброму принял сиротку* (радушно, отечески).

Лариса экскурсию устроила (организовала). – *Ларису экскурсия устроила* (пришлась ей по нраву).

Хватит с меня рюкзака (достаточно). – *Хватит с меня поучений!* (довольно, перестань).

Довольно глупо (несколько). – *Довольно глупостей!* (хватит).

Правильно вы дали им по шапке (хорошо). – *Правильно было бы разознать их всех по домам* (надо).

Я позже приду (попозже). – *Позже я понял причину* (впоследствии).

У него свой дом (собственный). – *У него свои представления* (своеобразные).

Мы прошли изрядный путь (большой). – *Вы написали изрядные стихи* (хорошие).

На его губах играла слабая улыбка (легкая, едва заметная). – *Слабое утешение!* (недостаточное, не достигающее цели).

Несмотря на то, что эти предложения различаются не только местом ФУ, но и своим лексико-грамматическим составом, очевидно, что ФУ участвует в различении смыслов этих предложений наряду с грамматикой и лексикой и что значения многозначных слов (или – изредка – омонимов) тесно связаны с акцентным выделением. Более того, как видно из этих

⁸ Редкий случай явной омонимии.

примеров, учет (потенциального) акцентного поведения слова во фразе способен обогатить лексикографические описания лексических значений.

Например, для глаголов *поспешить*, *поторопиться* наиболее популярные толковые словари русского языка значения ‘напрасно сделать что-л.’, ‘не нужно (было) делать чего-л.’ не выделяют, хотя опрос носителей русского языка однозначно показывает, что это значения вычленились их сознанием, когда они слышат соответствующие глаголы под ФУ: *Он поспешил взять в долг* (‘не нужно было брать в долг’); *Она поторопилась выписаться* (‘не нужно было выписываться’). В экспериментах по чтению испытуемые в подобных случаях выделяли глагол главным ФУ [Павлова 1987]. Глагол *пугать* в словарях характеризуется только одним значением: ‘внушать, вселять страх’. Однако он, очевидно, обладает как минимум двумя различными значениями (вспомним пример *Кремль пугает Немцова*, где глагол может быть понят в одном или другом своем значении, и в зависимости от этого будет акцентирован или нет).

Не следует думать, что различие значений многозначной лексемы всегда сопряжено с фразовым ударением. Существует огромное количество многозначных слов, значения которых к ФУ безразличны. Акцентуация тесно связана лишь с определенными семами (отрицание, оценка, ретроспективность, фактивность, точное количество и некоторые другие). Если значения лексемы различаются иными семами (например, ни в одном из значений не присутствует сема оценки), то ФУ для различения значений остается не задействовано. Скажем, слово *сонный*, согласно 17-тому Словарю современного русского языка, обнаруживает семь значений, но ни одно из них не притягивает к себе фразовое ударение.

Далее, многозначное слово может иметь, предположим, десять и более значений, а потенциальная акцентная выделенность окажется признаком лишь одного-двух из них или, наоборот, половины этих значений – как это наблюдается, например, для слова *слабый*: в том же 17-томном словаре оно охарактеризовано как многозначное слово с двенадцатью значениями, а потенциальная акцентуация может быть выявлена для половины этих значений. Следовательно, ФУ не может являться наиболее существенным элементом словарной статьи, оно может претендовать лишь на статус дополнительного признака словарного описания.

По природе своей ФУ переменчиво, и даже в условиях нейтрального или отсутствующего контекста место ФУ зависит не только от семантики конкретного слова (или от отведенного ему места в идиоме), но и от семантики его окружения, а также от грамматического построения фразы, и потому слово, даже будучи употребленным в одном и том же значении, может оказаться под ударением или быть безударным. Ср. *Впрочем, дирекция театра поступила честно и отдала всем запасшимся билетами раньше, а в том числе и мне, деньги. Но это слабое утешение* (П.Чайковский). – *Но это слабое утешение свидетельствует только о потере иммунитета к опасности* (Ю.Рыбаков). В позиции психологического подлежащего словосочетание *слабое утешение* полностью лишается ФУ. А в следующем примере могут быть вариации в зависимости от того, как понят смысл (подсказкой служит контекст): *Он имел слабое утешение в*

том, что остался хозяином *Малоярославца* (Н.Дурново). Если то обстоятельство, что он оказался хозяином *Малоярославца*, недостаточно для его утешения, то прилагательное находится под ФУ: *Он имел слабое утешение в том, что...* А если у него были другие неприятности, и им противостояло владение *Малоярославцем* как утешение, то прилагательное безударно: *(И все же...) ...он имел слабое утешение в том, что остался хозяином Малоярославца.*

И, тем не менее, примеров, иллюстрирующих зависимость между значениями и акцентуацией, достаточно для того, чтобы расценивать фразовое ударение как неотъемлемый элемент лексикона. ФУ можно рассматривать как дополнительный, но, тем не менее, существенный признак семантики. Несмотря на то, что в работах Ю.Д.Апресяна уже неоднократно поднимался вопрос о необходимости учитывать потенциальное акцентное поведение слов при описании их словарных значений, этот проект пока не осуществлен. «Повезло» лишь частицам и другим так называемым дискурсивным словам. Просодическим характеристикам дискурсивных слов посвящена, например, статья И.М.Кобозевой и Л.М.Захарова «Для чего нужен звучащий словарь дискурсивных слов русского языка» [Кобозева, Захаров 2004]. Правда, последовательно указание на ударность дается пока только в новом «Словаре русских частиц» [Шимчук, Щур 1999] и в некоторых новых фразеологических словарях [Гуревич, Дозорец 1988; Яранцев 1997]. В «Словаре русских частиц» «в случае, если частица в определённом значении находится под фразовым акцентом, это отмечается особо (сведения об обязательности/ возможности фразового акцента даются за знаком ® наряду с другой необходимой информацией о синтактике частицы). Обязательный фразовый акцент в иллюстративных примерах отмечается знаком " , возможный – (")» [Кобозева, Захаров 2004: 294].

Как именно могла бы выглядеть словарная статья, в которую включается потенциальная фразовая ударность или, наоборот, безударность лексемы, – вопрос технический. Например, значок (") в начале соответствующей словарной статьи представляется весьма удачным маркером для обозначения тяготения данного значения к ударной выделенности.

По причине чрезвычайной «летучести» и неустойчивости ФУ можно вести речь действительно лишь о потенциальном тяготении той или иной лексемы или того или иного значения многозначного слова к определенной акцентной позиции в тексте.

Об обязательности указания на ФУ для полнозначных лексем речь вести нельзя – разве что для части идиом ФУ можно рассматривать как абсолютно непреложное и строго фиксированное по месту, а его смещение расценивать как признак разрушения идиоматики. Несмотря на наличие «притягивающих» акцент сем, любое слово может оказаться в тех или иных контекстных условиях и лишенным главного ударения. Даже такие сугубо рематические, тяготеющие к роли психологических предикатов лексемы, как *годами, рознь, тьма, беда мне с..., хоть куда, раз плюнуть, голь перекатная, свет в окошке* и множество других, могут оказаться в условиях, в которых они вынуждены будут утратить акцент (например, в

условиях контраста, в некоторых специфических грамматических конструкциях). Ср.:

Отец его годами не мог устроиться на работу (В.Гроссман). – *Мы все же создали свой дом, хотя годами жили врозь* (А.Варламов).

Сфинкс сфинксу рознь, – подумала Варвара (Т.Устинова). – *По инструкции, конечно же, груз... Но ведь и преступление преступлению рознь* (В.Полагутин).

У ней, после дознались, допрежь венца в полюбовниках был отцовский приказчик – сирота, голь перекатная (П.И.Мельников-Печерский). – *Однако четверо жрецов были не какая-нибудь голь перекатная, не первый раз в Овечий Брод заезжают* (М.Семенова).

ЛИТЕРАТУРА

- Апресян 1988 – *Апресян Ю.Д.* Типы коммуникативной информации для толкового словаря // *Язык: система и функционирование*. М., 1988.
- Апресян 1990 – *Апресян Ю.Д.* Типы лексикографической информации об означающем лексемы // *Типология и грамматика*. М., 1990.
- Апресян 1995 – *Апресян Ю.Д.* Избранные труды. Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995.
- Гуревич, Дозорец 1988 – *Гуревич В.В., Дозорец Ж.А.* Краткий русско-английский фразеологический словарь. Около 1000 фразеологических единиц. М., 1988.
- Кобозева, Захаров 2004 – *Кобозева И.М., Захаров Л.М.* Для чего нужен звучащий словарь дискурсивных слов русского языка // *Труды международной конференции «Диалог '2005»*. Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. М., 2004.
- Ковтунова 1976 – *Ковтунова И.И.* Порядок слов и актуальное членение предложения. М., 1976.
- РГ 80 – *Русская грамматика*. М., 1980.
- Матезиус 1967 – *Матезиус В.* О так называемом актуальном членении предложения // *Пражский лингвистический кружок*. М., 1967.
- Николаева 1981 – *Николаева Т.М.* «Экстренное введение в ситуацию»: особый вид просодического выделения // *Теория языка, методы его исследования и преподавания*. М., 1981.
- Павлова 1987 – *Павлова А.В.* Акцентная структура высказывания в ее связях с лексической семантикой. Автореф. канд. дис. Л., 1987.
- Павлова 2007 – *Павлова А.В.* Интерпретация акцентной структуры высказывания при восприятии письменной речи // *Acta linguistica Petropolitana*. Труды Института лингвистических исследований Российской академии наук. Т. III. Ч. 3. СПб., 2007.
- Павлова 2009 – *Павлова А.В.* Психолингвистический аспект инверсии // *Вопросы психолингвистики*. № 4. М., 2009.
- Павлова А.В.* Понимание смысла предложений в связи с местом фразового ударения при восприятии письменной речи // *Вопросы психолингвистики*. № 9. М., 2009.

- Падучева 2009 – *Падучева Е.В., Успенский В.А.* Подлежащее или сказуемое? (Семантический критерий различения подлежащего и сказуемого в биноминативных предложениях) // Падучева Е.В. Статьи разных лет. М., 2009.
- Светозарова 1993 – *Светозарова Н.Д.* Акцентно-ритмические инновации в русской спонтанной речи // Проблемы фонетики. Вып. 1. М., 1993.
- Светозарова, Павлова 2010 – *Светозарова Н.Д., Павлова А.В.* Просодическая информация в словаре // Слово. Словарь. Словесность. Текст словаря и контекст лексикографии. Материалы Всероссийской научной конференции РГПУ. СПб., 2010.
- Слюсарь 2008 – *Слюсарь Н.А.* На стыке теорий. Грамматика и информационная структура в русском и других языках. М., 2009.
- Словарь современного русского литературного языка в 17-ти томах. М., 1948-1965.
- Стародумова 2005 – *Стародумова Е.А.* Синтаксис современного русского языка. Владивосток, 2005.
- Шимчук, Щур 1999 – *Шимчук Э., Щур М.* Словарь русских частиц. Berliner slavistische Arbeiten. Bd. 9. Frankfurt am Main, 1999.
- Янко 2007 – *Янко Т.Е.* Актантная структура как фактор базовой просодии. Три принципа выбора акцентоносителя коммуникативно релевантного акцента // Типология языка и теория грамматики. Материалы международной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения С.Д.Кацнельсона. СПб., 2007.
- Яранцев 1997 – *Яранцев Р.И.* Русская фразеология. Словарь-справочник. Около 1500 фразеологизмов. М., 1997.
- Firbas 1992 – *Firbas J.* Functional Sentence Perspective in Written and Spoken Communication. Cambridge, 1992.
- Kahnemuyipour 2009 – *Kahnemuyipour A.* The Syntax of Sentential Stress. Oxford, 2009.
- Molnár 1993 – *Molnár V.* Zur Pragmatik und Grammatik des TOPIK-Begriffes // Wortstellung und Informationsstruktur. Linguistische Arbeiten, 306. Tübingen, 1993.
- Mehlhorn 2002 – *Mehlhorn G.* Kontrastierte Konstituenten im Russischen. Experimentelle Untersuchungen zur Informationsstruktur. Europäische Hochschulschriften: Reihe 16, Slawische Sprachen und Literaturen; 65. Frankfurt am Main, 2002.
- Zybatow 1997 – *Zybatow G.* Семантика частиц между грамматикой и прагматикой. Попытка теоретического осмысления и формального представления // Formale Slavistik. Frankfurt am Main, 1997.
- Zubizarreta 1998 – *Zubizarreta M.L.* Prosody, Focus, and Word Order. Cambridge, London, 1998.